

частью сухим путем, частью морем в Константинополь, частью же через кипчакскую степь, перейдя в шесть суток к реке Кубани, в Черкессию, Тамань и Крым; некоторые, наконец, возвратились в свою родину Черкессию северным путем через степи Гейгата“.¹

Однако и этого всего мало нашему автору. Переменяя вполне реальные сообщения с фантастическими образами, он хочет окончательно убедить читателя и в достоверности изображаемого, и в „святости“ борьбы казаков. Как и в „речах“ повести, он привлекает мнение будто бы самих противников. Из уст врага должен услышать читатель о причине бегства турецкой армии. Казаки пошли на опустевшие „таборы“ турецкие и успели захватить там десять „языков“. „Языки“ эти „в роспросе и с пыток“ говорили все единодушно от чего в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами:—в нощи дѣ в той с вечера (т. е. накануне отступления, — *А. Р.*) было нам страшное видѣние“, говорят они, — по небу „шла вѣликая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московскаго. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держать мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали“. Но и этого мало. По показанию „языков“, чудесная помощь „от Руси“, „юноши“, видимо, Борис и Глеб, объединились с местными силами и „тою нощию страшные воеводы азовские... выходили на бой... пластали нас (т. е. турок, — *А. Р.*) и в збруях наших надвое“ (л. 44). После признания противников и казаки признаются: „А нам, казакамъ, в ту нощь в вечерѣ видѣние всемъ виделос: по валу бусурманскому, гдѣ ихъ наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними (т. е. Предтеча и Никола, — *А. Р.*) на одном власяница мохнатая“. Они-то и сообщили осажденным о победе: „А сказывают намъ: Побежали, казаки, паши турецкие... и пришла на них победа от Христа сына божия...“ (л. 44 об.).

Самое интересное в этих традиционных для воинских повестей образах — тщательное приурочение их автором повести к местной обстановке и интересам казачества. Явление „тучи“ с двумя „юношами“ создано, повидимому, под влиянием видения Фомы в Повести о Мамаевом побоище, где сказано: „откры ему (бог) видение, в нощи той виде: на востоце облак изрядно идяще от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще в обох руках мечи остры и ркуще полковником (татарским, — *А. Р.*): кто вам повеле требити отечество наше? Нам бо дарова господь. И начаша их сечи“.²

Интересно отметить, что и фольклорная символическая туча тоже имеет обыкновение являться с восточной стороны, хотя бы символизируемая ею опасность надвигалась с другого направления. Так, казанская царяца видит вещий сон о нашествии Ивана Грозного на Казань:

¹ Зап. Одеск. общ., т. VIII, 1872, стр. 167.

² Русский исторический сборник..., III, стр. 47—48.